

Пролог

Слова на ветер

Баюн потянулся, зевнул и ловко спрыгнул со здорового пня. Разбросанные по земле ветки и кости захрустели под мощными лапами. Светало, первые лучи восходящего солнца готовились разогнать сизый мрак вековых сосен. Кот раздраженно взглянул на костер — хилое пламя едва трепыхалось на остывающих углях. Он огонь развел? Развел. Песни сладкие пел? Пел. Но за всю ночь так никто и не пришел! В животе тоскливо заурчало. «Эх, сейчас бы доброго молодца пожевать. Или девушку молоденькую!» — Баюн прошелся по полянке, с мрачным удовлетворением ломая обглоданные до блеска черепушки. Еще недавно людишки сами приходили в его логово, восторженно внимали чарующим историям и получали свое... Кто-то — помощь в беде и ответы на все вопросы, а кто-то — смерть от когтей. Таков непреложный закон жизни! Внезапно из кустов послышался тихий шорох, и Баюн тут же насторожился. Глаза его, видевшие в полутьме так же прекрасно, как и при ярком дневном свете, не заметили ничего подозрительного: кусты как кусты, за ними — дерево поваленное, чуть поодаль — тропа человеческая.

Но неприятное ощущение опасности и не думало исчезать. Скользкое, липкое, будто взгляд матерого охотника на загравке ничего не подозревающей жертвы. «Ладно попробуем по-старинке!»

— *Подойди, путник, погрейся у костра, не бойся! Поди замерз, устал с дороги. А коли тайны какие узнать хочешь,*

спроси, не стесняйся. О цене договоримся, — хитро щурясь, промурлыкал котяра.

Тишина. Даже проснувшиеся птицы не удостоили сказителя ответом. Баюн разочарованно свернулся клубком: «Ладно. Завтра будет новый день. Деревенские рано или поздно отправятся в лес по грибы да ягоды, тогда и попируем...» Внезапно на кота набросили тяжелую сеть сразу с двух сторон! Мохнатый вскочил на лапы и рванул вперед, рассекая веревки острыми когтями, но диковинное плетение поддавалось с трудом. Запахло горелой шерстью, а на любимой иссиня-черной шкурке появились подпалины. «Колдовство!»

Точно, колдовство, любую другую сеть Баюн порвал бы в два счета. «Но кто посмел?! Черти какие? Анчутка? Леший? Нет, у тех ни сил, ни смелости не хватит... Яга! Ух, старая кошелка! Знал же, что не стоит с ней связываться, ввек с колдуньей не договоришься! Приходит без приглашения, гостей своих водит, еще и требует невозможного...»

— Тяни, Михайло, — прогремел из-за дерева зычный голос. «Богатырь?!»

Переpletенные хитрым узлом веревки стремительно сжимались, впиваясь в гибкое кошачье тело. Баюн вертелся и рвал их когтями, освободил одну лапу и почти что вырвался сам. Но подбегавший незнакомец накинуд поперх первой сети вторую. «Неужели простой человек?! Да как он посмел!» — в глазах кота полыхнула ярость.

— Одежка плохонькая, волосы седеют... Может, помочь тебе чем? Рассказать, где богатство хранится? Чтобы ты к деткам своим да к женушке ненаглядной не с пустыми руками вернулся?

— Не слушай его! — вновь прокричал скрывающийся в тенях незнакомец.

Седой потянул веревки на себя, но медленно, нерешительно. «Надо же, залепил уши воском! Точно карга подска-

зала...» Мерзавка покусилась на главное сокровище Баюна — его кошачью свободу. Надо было выбираться...

— *Честный ты человек, добрый. Люблю я таких. На богатства не заришься. Правильно. А молодость хочешь вернуть?*

Незнакомец замер как вкопанный. В его глазах читалось огромное желание и робкая надежда. То, что нужно.

— *Сторона-то большая. Город в ней есть, Китеж-град называется. В нем жизни колодец запрятан. Люди думают — сказка. Но я там бывал, дорогу знаю. Подойди, и тебе подскажу!*

Старик сделал робкий шаг вперед. Затем еще один и еще. Пожалуй, достаточно.

— Михайло, нет! — из-за дерева метнулась здоровенная тень, но было уже слишком поздно.

Просунув лапу меж сетей, Баюн быстрым и точным ударом вспорол горло человека от уха до уха. Мужчина захрипел и удивленно шлепнулся на землю, будто ребенок.

— Михайло! Нет! Ах ты, тварь! — к костру подбежал второй нападавший, гораздо больше первого.

«Вот это был богатырь настоящий. Мышцы — что тугие канаты, плечи — широченные, взгляд... Взгляд человека, который твердо знает, зачем пришел. Разве что веет от него чем-то. Неужели предназначение свое исполнил и увядать начал? Или вовсе от него отказался?» Впрочем, времени на раздумья не было! Баюн вложил все оставшиеся силы в последний призыв:

— *Герой Стороны, отпусти меня. Взамен тайну открою великую, как силы вовек не лишиться!*

Но богатырь, пропустив коварные слова мимо ушей, склонился над умирающим другом и изо всех сил пытался остановить кровотечение. Раненый старик стремительно бледнел и даже перестал стонать. Не помогли ни тайный заговор, ни зелье

целебное. Баюн почувствовал легкий холодок на коже, перебивший даже жжение от колдовских веревок. Он всегда чувствовал этот зябкий то ли ветерок, то ли туман, ненадолго окутывающий разум, когда рядом кто-то умирал. «Еще один в Навь пожаловал!» Богатырь медленно поднялся с земли. Лицо его перекосило от ярости лютой, граничащей с помешательством. Он подошел к коту, с ненавистью взглянул на него, и со всей силы ударил ногой по голове. Баюн зашипел, оскалил клыки, но нападавший схватил его за подшерсток прямо сквозь сетку и приложил об дерево. «Силен, ой силен!»

Когда сознание прояснилось, а окружающий мир перестала застилать мутная пелена, кошка увидел перед собой нападавшего с горящими гневом глазами:

— Ты. Убил. Моего. Друга, — сдерживать ярость получалось плохо, казалось, она вот-вот она хлынет через край.

— Вы первыми напали, — парировал Баюн, — Званы не были, нечего и приходить было!

— Других ты, видимо, по приглашениям пожирал, а?! — богатырь схватил с земли первый попавшийся человеческий череп и сунул коту прямо в морду.

— Я позвал. Они пришли. У каждого был выбор.

— Выбор... Выбор... Хорошо. Даю тебе выбор. Говори, где Хозяйка Медной горы! И золото где!

— Золото? Золота в мире вон сколько, ищи да бери. А Хозяйка...

— Не юли, убивец блохастый! Я спрашиваю про *то самое золото*. Говори, коли жизнь дорога!

Для пушей убедительности богатырь потряс здоровенной булавой, размером аккурат с череп Баюна. Но котьяра уже взял себя в руки: он явно был нужен живым. Это хорошо. Покуда жив, можно выпутаться из любой неприятности. Главное — подобрать *правильные слова*.

— Тогда, богатырь, *слушай внимательно*. По доброте душевной да из уважения к подвигам былым расскажу тебе историю... О Хозяйке, враге ее заклётом, да детях безродных... *Слушай, да не перебивай* — в истории той и ответы на все вопросы.

Баюн

Глава первая

Брат и сестра

— Ждан! Ждан! — с надрывом взывал хриплый мужской голос. В нем слышались и раздражение, и усталость, и закипающая с каждым новым криком ярость. — Ждан, черт тебя дери!

Последняя фраза прервалась на полуслове и переросла в жуткий клокочущий кашель. За ним последовал тяжелый глухой стук, будто кто-то бил кулаком или поленом по бревенчатой стене. Бум-бум-бум... Стук сменился постепенно затихающим грохотом, словно что-то тяжелое ударилось о землю и лениво по ней покатилося. Затем наступила тишина. Тишина — это хорошо. Не будут искать. По крайней мере, сейчас.

Ждан открыл глаза. Он лежал на гряде соломы в пристроенной к избе собачьей конуре.

Раньше здесь жил Черныш. Здоровенный черный пес с разорванным ухом и скверным нравом. К домашним потомок волков относился снисходительно, за живностью присматривал, а вот соседей недолюбливал. Как-то раз Демьян напился до чертиков и передразнил предупреждающий лай Черныша — бежал потом до самого леса с покусанным гузном! Визгов и ору было — не счесть, но пса отец отстоял. Знатно выпорол хвостом, посадил на смоляную веревку, но отстоял. С тех пор четырехлапый сторож стал аккуратней в поведении, но к людям симпатии не питал. За исключением Ждана. Мальчонке прощались все, чем тот охотно и пользовался: тягал пса за уши, катался

на нем по двору и залезал в будку, чтобы подремать, уткнувшись в теплый собачий бок, или даже делился припасенной краюхой хлеба с другом.

Два месяца назад Черныш пропал. «В лес убежал, — угрюмо сказали родители. — Может, еще вернется». Но будку зачем-то заколотили. Впрочем, о тайном лазе под кустом крапивы они не догадывались. Будка была старой и покосившейся, в сильный дождь худая крыша протекала, старая солома была жестче сухой глины. Зато сюда никогда не заглядывали, а стойкий запах псины успокаивал мальчика в трудные минуты. Если закрыть глаза и немного полежать, можно было даже почувствовать теплое дыхание Черныша и...

Ждан осторожно потянулся и перевернулся на бок. Под ребрами неприятно заныло. Вернувшись в исходное положение на спине, он медленно и глубоко вдохнул. Вроде не болит. Хорошо. Заживет.

— Ждан!!! — еще один мощный возглас сотряс посеревшие от времени бревна.

Мальчишка замер. Даже дышать перестал. К счастью, внезапный порыв сил закончился, и лишь ворох неразборчивых проклятий долетел из-за стенки. Ждан закусил губу, но крупные слезы предательски покатались по щекам. Не от боли, нет. От обиды. Он избу подмел? Подмел. Воды из колодца набрал? Набрал. Поленья из поленицы принес? Принес. А вышло, что этим самым бревном его и поколотили! Из-за старого вшивого сухаря... Не для себя ведь взял, а для Рады...

— Ревешь?

Тихий голос снаружи прервал невеселые размышления.

— Рада, ты что ль?

— Много людей с собачьими будками разговаривают?

Ждан промолчал. Стараясь не шуметь, он втянул сопли и медленно уткнулся лицом в солому.

— Я войду? — терпеливо поинтересовались снаружи.

Мальчишка задумался. Никто, кроме Рады, о тайном убежище не знал и знать не мог. В этом он был абсолютно уверен. С другой стороны, нечисть всякая людей за версту чует...

— Слово скажи. Секретное.

— Ты серьезно?

— Серьезно.

Снаружи замолчали. Тишина, да и только. Даже кузнечики стрекотать перестали. Точно, нечисть, а притворяется-то как ловко... Ждан тихонько потянулся к припрятанной у стены палке — хорошей, крепкой, еще и с острым сучком на конце...

— Горькая редька.

Мальчик облегченно выдохнул и аккуратно положил свое импровизированное оружие на место.

— Входи.

Секунда, и из большой норы в углу показалась черноволосая голова, острые плечи, а затем и вся Рада целиком. Девчушка резво отряхнулась, аккуратно повернулась, стараясь не задеть грубые шершавые доски, и посмотрела на Ждана. Она быластройной, скорее даже худоватой. Бледный цвет лица, слегка впалые щеки, угловатая шея. И руки... мозолистые руки в ссадинах и порезах. Такие руки должны быть у стариков или взрослых, но никак не у детей.

Будто прочитав мысли брата, Рада уперлась руками в солому, подвинулась к Ждану и спросила его прямо в лицо:

— Плакал, что ли? Опять?

Мальчишка отпрянул назад и выпалил:

— С чего ты взяла?!

Глаза цвета чистого малахита смотрели на него пристально и внимательно. В последнее время все чаще блеклые и едва зеленые, но в моменты общения со Жданом — всегда сияющие любовью и теплом.

— Ну, давай посмотрим... Ведро с водой дома стоит, дрова в подпечке, отец спит, но дверь открыта, обувь валяется как попало, а два полена аж в сених на полу лежат.

— Целых два? — с нескрываемым ужасом прошептал мальчик.

— Целых два. Ну и, наконец, — мой брат в собачьей конуре. Лежишь на спине, хотя спать предпочитаешь на боку. Волосы взъерошены. И глаза красные...

— Это я уснул и в солому уткнулся, — оправдание вышло робким и неубедительным.

— Вывод? За сухарь перепало. Верно?

Ждан обескураженно молчал. Несмотря на обиду и слезы, он твердо намеревался унести тайну своего позорного бегства в могилу и не рассказывать об этом сестре. Но от Рады, как обычно, ничего не скроешь. Пристыженный кивок означал полное и безоговорочное поражение перед девичьим чутьем.

— Но и это не все. Я тебе что на поле сказала?

— Отнести сухарь обратно.

— Что еще?

— Положить там, где взял.

— И ты положил?

— Не успел! — внезапно вспылив, мальчик отвернулся от сестры, несколько раз рассерженно вздохнул и продолжил. — Я к печке подошел, а отец проснулся! Глаза красные-красные, злые-злые! Я рванул от печки, а он — как змея! Схватил меня за руку, глядь за печь, а сухаря-то и нет! Он как полено схватил, как замахнулся и орет!

Вновь переживая не самые приятные события, Ждан повернулся к сестре. Девчушка смотрела на него с такой горечью и жалостью во взгляде, что мальчишка осекся и замолчал.

— Ну он полено о пол как кинул... Страшно стало. Я вырвался и убежал. Отсиделся в орешнике и назад. Не идти же в дом? Залез в конуру.

— Больно?

— Да не бил он меня...

Ждан отгрызнулся и вновь отвернулся к стене, притворившись, что рассматривает искусную работу не самого умелого мастера хлебов и конур. Справа медленно выплыло лицо Рады.

— Ждан...

— Ну что?!

— А сухарь-то где?

Мальчонка старательно игнорировал вопрос, продолжая размышлять об устройстве конуры: «Нет, в работах деревянного зодчества определенно что-то есть. Доски, может быть, и не самые хорошие, да и зазор вечно пляшет, но...».

— Ждан...

— Съел я его, съел! Чего мне, просто так получать, что ли?!

— То есть били тебя, да?

— Да нет же, все не так...

Опять воцарилась неловкая тишина. В голове каждого из детей роились собственные думы. Мысли Рады были чуть серьезней и обстоятельней мыслей брата, но на то она и старшая.

— Вкусный хоть сухарь?

Поняв, что сестра не планирует ругаться, Ждан развернулся к ней с сияющим лицом и воодушевленно ответил:

— Вкусно! Но не как яблоко вкусно, не как малина... хрустящий такой, аж язык чешется, но на вкус... даже описать сложно. Я и тебе оставил!

Мальчик потянулся в карман за пазухой, достал оттуда заботливо припрятанную половину сухаря и протянул сестре.

— Попробуй!

Засмеявшись, Рада откусила маленький кусочек и протянула оставшуюся часть Ждану.

— Вкусно. Доедай и пошли в избу мириться. А то надо еще дров наколоть да сарай подправить, скоро набекрень завалится.

— А как же отец?! А сухарь? — в глазах ребенка мелькнула паника.

— За печкой лежит. Скажу, уронила, когда убиралась.

— Попадет тебе, Рад...

— Чай не сахарная, не растаю.

— А сухарь-то откуда?

— У Орлика обменяла.

— На что?

— Да там разве упомнишь... Идем.

Рада приподнялась, отряхнулась, на этот раз от соломы, и вместе с братом полезла через собачью нору в мир гораздо больший, но значительно менее уютный, чем эта старая покосившаяся конура.

Деревня была небольшой, но живописной. Два десятка дворов теснились на крученом берегу резвой речушки, с трех сторон опоясанные дремучим лесом. Внизу по течению раскинулись пахотные поля, где всюду трудились местные жители. С другой стороны, почти у самого горизонта, виднелись горные вершины, рыжевато-золотистые, будто посыпанные медной крошкой. По словам старосты, под горой чернь да хмарь бродит, путников неосторожных ловит и живьем съедает, поэтому детям да дуралеям молодым (равно как и великовозрастным) в сосновый лес за холмами путь заказан. Да и кому он нужен, когда вокруг столько всего интересного?!

— Айда лягушек ловить! — Ждан схватил сестру за руку и ринулся к речке. Просидев полдня в конуре, мальчик жаждал озорных приключений, и робкие возражения сестры, естественно, не принимались во внимание.

Обычно Нестерка была быстрой и полноводной. Каких-то четыре десятка шагов в ширину, однако речушка легко сбивала зашедшего по пояс мужика с ног и несла до следующей излучины, а то и дальше до самого озера Глубокого. Но жаркое лето и знойное солнце на радость местной детворе обнажили зава-

ленный рогозом глинистый берег. Летом, когда течение было медленным и спокойным, мальчишки и девчонки днями напролет ловили разноцветных лягушек, соревнуясь в размере и узоре пойманной добычи. При большом везении мог попасться и маленький ужик, но к змеям в деревне относились с почтением и без особой надобности не трогали.

Пока Рада спускалась по витиеватой тропинке неподалеку (не пачкать же платье, карабаясь по грязище), Ждан успел ловко съехать вниз прямо по склону,

найти палку подходящей длины и ткнуть ей в пожелтевший куст осоки. Деревяшка вошла в ил только на два пальца, с протестующим треском изогнулась коромыслом и остановилась. Сухо. Лягушек не наловишь — попрятались в темных заболоченных местах или вовсе на глубине засели. Впрочем, и от самой речки остался тоненький вялотекущий ручеек, из такого даже воды не наберешь.

— Пусто? — оглядывая высохшие охотничьи уголья, спросила подошедшая Рада. В руках девочка крутила свежесорванную ветку полыни. Хитро, с таким оружием и злобные оводы были не страшны!

Ждан молча прыгнул на пару шагов вперед и руками раздвинул куст осоки. Пусто.

— Ну а чего ты хотел? Видишь, как печет? Даже плакун-трава засохла! — сестра кивнула на тонкие коричневые нити с сухими темно-фиолетовыми цветками чуть поодаль.

Но мальчик не сдавался: «Чтобы поймать лягушку, нужно думать как лягушка...» Еще прыжок! Увы, в соседних зарослях тоже никого не было.

— На поле и вовсе целого колоса не найдешь. Что посохло, что хмарь пожрала, — не унималась Рада.

Рогоз повыше, чем осока. Растет не так густо, конечно, но и тень от него длиннее... Прыжок. И снова неудача.

— Пойдем лучше на полянку, а? Там тихо, спокойно. Я тебе сказку расскажу.

— Не хочу сказок, — мальчик пригнулся, словно охотничий пес, и пристально осмотрелся по сторонам, пытаясь уловить малейшие колебания травы или водной глади. — Ты в прошлый раз про Ратко рассказала, так я потом две ночи уснуть не мог!

— Про Ратко я придумала, не бойсь...

— Я и не боюсь! Просто не спалось...

Рада вздохнула и растерла в ладонях пару листьев полыни. Горьковатый травянистый запах наполнил воздух. «Зря, конечно, ту историю придумала. Про мальчонку, который у соседей еду выпрашивал, а в итоге в печь к старухе угодил. Саму потом кошмары мучили...», — пронесло в голове и девочки.

— Ну, пойдем уже, нет сегодня лягушек!

Длинная ободранная коряга у самой кромки воды. Рядом с ней можно и на сушу выбраться без лишнего внимания, и в тени отдохнуть, и даже на солнце подремать.

Молниеносный рывок, быстрый взмах детских ручек, и деревяшка отправилась в полет, а мальчишка от неожиданности шлепнулся на землю.

— Ждан!

Лишенная укрытия на свет показалась вовсе не лягушка. То была иссиня-черная змея с узорчатыми золотыми кольцами. Свившись в клубок, она то ли тихо дремала, то ли тоже ждала появления какого-то аппетитного лакомства. Но, потревоженная внезапным визитом, сразу же зашипела и угрожающе изогнулась.

Ждан замер. Даже дышать перестал. Змея казалась ему огромной и пугающей, но ее бездонные черные глаза словно манили ребенка. Хотелось протянуть руку вперед и...

— Ждан! — Рада рывком подскочила к брату и замахнулась оброненной мальчиком палкой. — Пошла прочь!

Быстро взвесив возможный исход, рассерженное пресмыкающееся развернулось и в мгновение ока скрылось среди пожелтевших речных зарослей.

— Ты в порядке?! Живой? Испугался?

Мальчик очнулся от оцепенения и взглянул на сестру. Трудно сказать, кто испугался больше — лицо Рады казалось белее первого снега, вены на висках пульсировали, а худощавые пальцы были готовы вот-вот переломить схваченную палку.

— В порядке, Рад... — Ждан поднялся на ноги и отряхнулся. Чуть подумав, добавил, — прости.

Конечно, девочка ему не поверила. Лишь тщательно осмотрев брата со всех сторон, заставив несколько раз глубоко вдохнуть и выдохнуть, очистив от остатков пыли и внимательно взглянув в глаза, Рада слегка успокоилась и выкинула палку в реку.

— Зря, хорошая пырялка была, — возмутился было Ждан, но почувствовав тяжелый сестринский взгляд, замолчал.

— Идем, — хмуро буркнула девушка, ведя брата за собой.

— На полянку? На полянку ведь, да?

— Домой, — стальные нотки прорезались в голосе Рады. Затем, словно извиняясь за минутную резкость, добавила, — дел много.

— Угу...

— И никаких больше лягушек.

— Но...

— И никаких больше «но!»

* * *

Несмотря на увещевания сестры, Ждан не спешил заходить в дом — первой отправилась девушка. Послышавшиеся